

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ РУССКИХ В СВОЕЙ И ИНОЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Автор: Л. М. ДРОБИЖЕВА

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна - доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра исследований межнациональных отношений Института социологии РАН (E-mail: drobizheva@yandex.ru)

Аннотация. Рассматриваются основные изменения в государственно-гражданской и этнической идентичности и межэтнических установках русских в 1990-е гг. и 2000-е гг. Показана динамика в соотношении российской и этнической идентичностей русских в разных социально-культурных средах и этнополитических условиях, раскрыты особенности межэтнических установок русского населения в областях и республиках РФ.

Ключевые слова: российская идентичность, государственно-гражданская идентичность, этническая идентичность, этническая солидарность, межэтнические установки, межэтническая консолидация

Социологическому изучению гражданской и этнической идентичности русских, всех россиян посвящено немало исследований. В них рассматривались тенденции формирования гражданской идентичности, соотношение ее с этнической, региональной идентичностью, их функции, а также позитивные и негативные проявления [1]. В статье подводятся некоторые итоги изучения наиболее актуальных проблем и сравнений идентичностей и установок русских в областях и республиках.

О понимании государственно-гражданской и этнической идентичности

Понятие "государственно-гражданская" или "национально-гражданская идентичность" включает в себя отождествление с гражданами страны, представление об этом сообществе, ответственность за него, понимание интересов, а также переживаемые в связи с этим чувства (гордость, обиды, разочарование или энтузиазм и готовность к рефлексии). Это понятие достаточно ново для отечественной публичной сферы и научной литературы. В России исторически сложилось понимание нации в этнокультурном значении. Только в последнее время стали часто употреблять такие термины, как "государственная идентичность", "россияне", "российская идентичность". В политический и научный дискурс стала входить трактовка нации как граждан государства, аналогично тому, как это сложилось во Франции, Великобритании, США. Однако для многих россиян понимание *нации как гражданской общности* не привычно, тем более, что гражданское общество только складывается и представления о нем в массовом сознании разные. Между тем понятие *государственной общности как граждан страны* широко распространено, и наши респонденты вполне могут ответить на вопрос об идентификации себя с этой общностью. То, как постепенно формируется не просто государственная идентичность, но и элементы гражданской идентичности, будет показано ниже.

Что касается *этнической идентичности*, то она трактуется нами как сознание общности людей, базирующееся на представлениях о своей национальности, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и при определенных условиях готовности действовать во имя этих представлений. В усло-

виях глобализации этническую идентичность часто интерпретируют как проявление традиционализма, "она родом из прошлого", тогда как гражданскую - связывают с современностью. Но история дает нам примеры, когда современная гражданская идентичность оказывается тесно сопряженной с этнической идентичностью (Литва, Эстония и др. страны). Последнее десятилетие XX в. и первое XXI в. преподнесли много своеобразного в процессах распада прежних и формировании новых солидарностей и идентичностей в России, которые требуют научного анализа и осмысления.

У русских кардинальные перемены в соотношении государственно-гражданской и этнической идентичностей, проходившие за последние двадцать лет, отличаются особенностями, являющимися отражением исторических событий в стране. Постараемся выявить наиболее важные тенденции в этих переменах, опираясь на данные этносоциологических исследований *по проектам*: "Посткоммунистический национализм, этническое самосознание и регулирование конфликтов" (1993 - 1996); "Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации" (1999 - 2002) (осуществились в Татарстане, Саха (Якутии), Башкортостане, а в 1993 - 1996 гг. в Туве и Северной Осетии [2]); "Российская идентичность: потенциал формирования в Москве и регионах" (2007 - 2008) [3]; "Будущее России. Социально-культурная сфера" (реализован вместе с межрегиональными Институтами общественных наук (МИОНами) в Воронеже, Свердловской, Новгородской, Томской областях, Бурятии) [4]. Везде выделялись - русские и титульная национальность (в Москве русские и другие национальности). Анализ эмпирических данных проводился с использованием программ SPSS. К анализу привлекались также результаты опросов ВЦИОМ (впоследствии Левада-Центр), "Европейского социального исследования" в 2006 г. (ESS).

Заметим, что выбор идентичности респондент делает на основе свободного осознания. По С. Московичи, наше сознание организовано по типу идентификационной матрицы, где имеется множество идентификаций (возрастная, половая, семейная, профессиональная, гражданская, этническая, религиозная и др.). Среди них выделяют наиболее значимые (ведущие, базисные). Такую классификацию использовали в российском исследовании В. А. Ядов и Е. Н. Данилова. Аналогично поступили и мы. При этом выясняли у респондентов степень "выраженности", "акцентированности" идентичности [5]. В ряде исследований делали попытку измерить, например, степень общегосударственной идентичности в сравнении с локальной принадлежностью (субъект федерации). Тогда вопрос ставился в такой форме: "Кем вы себя чувствуете в большей мере? Только россиянином; преимущественно россиянином; только татарстанцем; преимущественно татарстанцем; тем и другим, но больше татарстанцем; тем и другим, но больше россиянином?" Оказалось, что рассматриваемые идентичности не являются статичными и одномерными, меняются их иерархия и смысловое наполнение.

Тенденции в изменении иерархии идентичностей

Наши исследования, проводившиеся в 1990-е годы и в первое десятилетие XXI в., достаточно четко зафиксировали две тенденции - роста сначала этнической, а затем государственно-гражданской идентичности и изменения в иерархии идентичностей. Прежде всего это проявилось у русских, живущих в районах с доминирующим русским населением. Российская государственно-гражданская идентичность стала у них *приоритетной* в сравнении с этнической.

Произошло это исторически достаточно быстро. Еще в 1992 г., когда сотрудники Отдела этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН проводили опрос в Москве, всего четверть русских-москвичей идентифицировали себя как россиян. Для массы населения тогда такое наименование себя было непривычным. Ведь еще совсем недавно они были "граждане СССР". В марте 1991 г. так себя идентифицировали - 63 - 66% респондентов [6]. По данным исследований, проведенных под руководством Ю. В. Арутюняна в Эстонии, Грузии и Молдавии в 1980-е годы, до 80% русских называли себя, прежде всего, гражданами СССР.

Таблица 1

Динамика российской и республиканской компоненты идентичности русских. Распределение ответов на вопрос: "Кем Вы себя чувствуете в большей мере?" (в % к числу опрошенных) (1994 - 2002 гг.)

Виды идентичности	1994	2002
Русские Татарстана		
Только российская и преимущественно российская идентичность*	35,2	45,9
Паритетная республиканско-российская идентичность**	35	26
Русские Саха (Якутия)		
Только российская и преимущественно российская идентичность*	23	60,7
Паритетная республиканско-российская идентичность**	37,3	21,8

Примечание: * сумма ответов "только россиянином" и "и тем, и другим, но больше россиянином";

** ответ "и тем, и другим в равной мере"

Когда СССР не стало, этническая идентичность оставалась как бы неизменным островом, ибо иные идентичности (социально-статусные и др.) менялись очень быстро. По результатам исследования В. А. Ядова и Е. Н. Даниловой в 1998 г. с представителями своей нации идентифицировали себя не менее 90% респондентов, а 63,8% ответили, что так себя считали часто. С россиянами же тогда идентифицировали 50,8% [7]. В целом российская гражданская идентичность была уже достаточно распространенной, но меньше, чем этническая. То же самое мы фиксировали в исследованиях 1990-х гг. в Татарстане, Саха (Якутии), Туве и областях - Оренбургской, Магаданской [8]. Это вполне объяснимо: государственная идентичность в СССР была связана с формальными институтами, и, когда они рухнули и разрушились символы "великой державы", "первого в мире социалистического отечества", указанная идентичность потеряла опору. Новая государственная идентичность только начинала формироваться. В обстановке фрустраций, связанных с распадом Советского Союза, с переменами в социальной структуре, активизацией национальных движений, опорой становились идентичности, базировавшиеся на чем-то "неизменном", привычном - этнические, региональные.

У русских восстановление государственно-гражданской идентичности в сравнении с другими народами России шло быстрее, а, главное, она становилась более выраженной ("неразмытой", как выражаются психологи). В нашем исследовании 2006 г. в Воронежской, Саратовской, Калининградской, Томской, Свердловской областях, Приморском крае - территориях с доминирующим русским населением - с "россиянами" идентифицировали себя 76 - 80% опрошенных. Доля русских с *акцентированной* государственной идентичностью в республиках тоже увеличивалась, и очень значительно - в 1,5 - 2 раза (см. табл. 1). Добавим, что ученые ИКСИ, проводившие под руководством М. К. Горшкова исследование в 2004 г., просили респондентов назвать не более трех самоидентификаций из десяти. "Граждане России" - таков был один из наиболее часто даваемых ответов (45,4% в мегаполисах и 51,4% в провинции). Как видим, для многих российская государственно-гражданская идентичность была не просто номинальной, называемой, но и значимой.

Для быстрого восстановления данного вида идентичности у русских были основания. Субъективная значимость его у них корреспондировала с этнической идентичностью, особенно у тех, у кого она была актуализирована. Уже первые социологические исследования в начале 1990-х гг. давали основания сделать выводы о связанности идентичности русских с социально-государственной системой политических институтов [9].

В исследованиях, которые мы проводили в республиках Саха (Якутия), Татарстан, Тува, Северная Осетия в 1994 г., по проекту "Посткоммунистический национализм",

Таблица 2

Российская идентичность русских в Саха (Якутии) с разной этнической установкой (в % к числу опрошенных по установкам)

Кем Вы себя ощущаете в большей степени?	Этнические установки	
	"Не обязательно чувствовать себя частью национальной группы"	"Нужно ощущать себя частью национальной группы"
Якутянином	15,8	9,8
Россиянином	27,5	45,1
И тем, и другим в равной степени	53,0	39,2
Ни тем, ни другим	1,2	2,9
Затрудняюсь ответить	2,4%	2,9%

были выделены русские с актуализированным этническим самосознанием (те, кто выбирал суждение "никогда не забываю, что я русский", которое предлагалось в паре с альтернативным высказыванием "для меня не имеет значения моя национальность"). При этом у них наблюдалась значимая сопряженность этнической идентичности с общероссийской. Оказалось: чем прочнее у респондентов этноконсолидирующая установка (у тех, кто выбрал ответ "необходимо ощущать себя частью своей национальности"), тем выше они имели показатели государственно-гражданской идентичности [см. 10]. Та же тенденция проявлялась в 2000-е гг. Пример идентичностей в Саха (Якутии) свидетельствует об этом (см. табл. 2).

Русские с этноконсолидирующей установкой, чаще чувствующие себя россиянами и реже ассоциирующие себя с жителями республики, имеют сдвоенную идентичность (они и россияне, и якутяне). В то же время якуты при этноконсолидирующей установке чаще чувствуют себя якутянами и реже россиянами. В 2007 г. при ответе на вопрос "Про кого можно сказать - "это мы" - и русские, и почти 90% якутов выбрали ответ "мы - граждане России" [см. 11].

Итак, когда рухнула государственная идентичность советского времени "граждане СССР", этническая идентичность выросла, выполняя компенсирующие функции. С конца же девяностых годов и в начале XXI в. традиционная для России роль государства как конструирующей и консолидирующей силы в российской идентичности вновь стала осознаваться людьми. Не случайно, по данным ВЦИОМ и наших исследований, в республиках потребность в "наведении порядка" стала одной из приоритетных. Слова "государство", "держава" вызывали положительные эмоции у 69 - 73% респондентов-россиян в 2001 г. [см. 12].

Идеологические структуры власти очень быстро осознали возможность опереться на чувства людей для укрепления своей легитимности и интеграции общества. Контент-анализ Посланий Президента РФ Федеральному собранию показал, что в 2000 г. *идея государственной общности, которой хотят придать смысл гражданской нации*, стала очевидной. В таком значении в 2000 г. в президентском Послании данная идея использована 10 раз, в 2007 г. - 18 раз. Она находила выражения в таких определениях, как "российская нация", "граждане России", "мы как нация", "мы - народ России" [13]. В официальной идеологии усиливался образ "сильного государства", "великого народа", страны, которая должна обладать существенным экономическим, интеллектуальным, моральным преимуществом.

Представления русских о себе к 2000 г. тоже, конечно, изменились. Судя по сопоставимым репрезентативным опросам ВЦИОМ, русские стали несколько реже видеть свой народ непрактичным, миролюбивым; заметно чаще в образе "своих" появлялись такие характеристики, как энергичные (9% в 1989 г., 20% - в 1999 г.), трудолюбивые (соответственно 27 и 35%), открытые, простые (59% и 67%), хотя ленивым и непрактичным продолжали считать свой народ от трети до одной пятой опрошенных. Правда, себя лично ленивыми и непрактичными признавали всего 8 - 9%. И совсем мало

кто определял "своих" как "забитых и униженных". Это означало, что "образ народа" идеологически ориентируется. Еще более об этом свидетельствовали представления об "образе других" [см. 6, с. 136, 137].

Этническая идентичность и межэтнические установки

Со времен исследований Ч. Кули и Дж. Мид известно, что идентификация индивида происходит в сопоставлении с "другим" [14]. Этот "другой" совсем не обязательно "чужой" и тем более враждебный. Э. Эриксон, который и ввел термин "идентичность" в интердисциплинарное поле исследований, обратил внимание на взаимосвязанность процесса становления и трансформации идентичности с вопросами общественного и культурного развития, идеологии [15].

Представляется принципиально важным в воображаемом поле социальности, на которое, конечно же, влияют идеологические структуры (власть, образование, СМИ, оппозиционные группы и т.д.), выделить ту часть, которая задается рациональными смыслами опыта общения или вообще не включает сегменты этнокультурной различительности, носит нерелексированный характер. Не случайно, даже в самые сложные для русских ситуации 1990-х годов, в кризисные 2000-е годы, враждебные установки на общение с людьми других национальностей, у большинства населения страны не фиксировались. Чувство враждебности к "другим" "очень часто", "довольно часто" испытывали в 2002 - 2008 гг. - 10 - 17%, а "редко" 25 - 32%, никогда не испытывали в эти годы 53 - 60% [16].

Негативные установки на приток иммигрантов, на межэтнические контакты в трудовой и непрофессиональной сфере, быту, "культурные барьеры" были реакцией на комплекс обстоятельств: 1) ограниченные ресурсы выживания (почти пятая часть населения в эти годы "едва сводила концы с концами, денег не хватало даже на продукты"; у 40% денег хватало на еду, но покупка одежды вызывала серьезные затруднения), 2) опасение за сохранение своих жизненных интересов (конкуренция в трудовой сфере, непривычность нового культурного пространства), 3) неуверенность в будущем, недоверие к социальным институтам [17]. Феномен межэтнического неблагополучия на основе восприятия групповой угрозы был описан Т. Петтигрю и Р. Меертенсом [18].

Негативные установки, которые в 1990-е - начале 2000-х гг. особенно проявлялись по отношению к чеченцам (на них проецировались последствия конфликта в Чеченской республике), а также к национальностям Кавказа, к сожалению, становились для русских и в целом части российского населения некой солидаризирующей основой, разрушающей нормальную и гражданскую, и этническую идентичности. Под *нормальной* идентичностью имеется в виду позитивные представления о своей национальности и сопутствующие им эмоции, понятия чести, достоинства, защищенности, благополучия, близости к своим. Мы относим сюда и патриотизм, не переходящий в фаворитизм, толерантные установки к "другим". *Негативная* идентичность конструируется на основе представлений о себе как неспособных изменить жизнь к лучшему, обиженных, обделенных, живущих "в кольце врагов", солидаризирующихся на основе враждебного отношения к "чужому". Такой идентичности свойственна подавленность мотивации к достижениям, апатия, страхи, равнодушие к политическим событиям, ущемленная национальная гордость, комплексы неполноценности.

Механизмы идентификации сложны - это динамический процесс, полный противоречий, чутко реагирующий на разнообразные мотивы, интересы, ситуации в обществе. Часто приходится наблюдать расхождения между установками на объект и ситуацию (М. Рокич). Известен парадоксальный эксперимент Р. Лапьера: профессору на обращение в 252 отеля о возможности разместить этнически смешанную группу ответили 128, и в 90% из них содержался отказ. Между тем во всех отелях, за исключением одного, их благожелательно приняли.

В нашей громадной стране в результате этнической мобилизации, конфликтов в Закавказье и на Северном Кавказе "южане" и "кавказцы", как их именовали, во мно-

гих местах стали новым населением. Они были приняты от Краснодара до Архангельска. Россия по числу приема иммигрантов, большинство которых были иноэтничными для русских, стала третьей страной мира после США и Германии. Но для нее такой новый приток был непривычным явлением и воспринимался на фоне национальных движений и распада Союза. Тем не менее, по данным Европейского социального исследования, в России категорическими сторонниками запрета на въезд иноэтничным мигрантам было 27,6% [19]. Это немало, но больше таких людей было в Венгрии (39,4%), в Португалии, на Кипре (29%), почти столько же, как в России, в Болгарии, Эстонии (23,5%, 23,6%).

Конфликтные нарушения прав человека по этническому признаку были громкими прецедентами, которые обсуждались в обществе. По данным информационно-аналитического Центра "Сова", за 2009 г. было убито 90 человек по мотивам этнической неприязни и 700 человек травмировано. Радикально-националистические группы не пользовались симпатией подавляющего большинства русских, нигде их деятельность не одобряло более 4 - 9%.

Массовое сознание русских из состояния дезориентированности, травмированности от потери прежних символов и ориентации становилось более дифференцированным, в чем-то единым и вместе с тем противоречивым, изменчивым в актуальном поле представлений и переживаний. Если брать общие данные по стране, то в 2008 г. свыше 80% уже гордились тем, что живут в России и являются ее гражданами, треть верила в то, что через пятьдесят лет "Россия станет такой же богатой и развитой страной, как Запад", и 65% согласились с утверждением, что Россия рано или поздно пойдет по общему пути всех цивилизованных стран. Возвращалось чувство достоинства - свыше 80% были согласны с суждением - "Россия всегда была страной великой духовной культуры" [20]. Правда, как показывали результаты Европейского социального исследования и опросы Левада-Центра, респонденты гордились больше завоеванным в прошлом - культурой, историей, достижениями науки, большинство не хотело отказаться от представления, что "Россия - великая страна" (ответы "да" и "скорее да" - 81%).

Интересно, что и идентичности - гражданская, этническая, их основные содержательные смыслы и межэтнические установки не так сильно отличались в социальных средах. Более заметны были отличия лишь в *возрастных группах*, при этом по разным характеристикам наблюдались разнонаправленные тенденции. Так, по данным Европейского социального исследования, в 2006 г. у русской молодежи распространенность российской идентичности была достаточно высокой, что нужно было бы толковать как их открытость к межэтническому общению. И мнение "Позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны, переезжать жить в страну", встречалось у них тоже несколько чаще, чем в других возрастных группах (78% против 68%). В 1980 - 1990 гг. молодежь была терпимее [21]. Такую же тенденцию мы выявили в регионах с доминирующим русским населением (Воронеж, Саратов, Томск, Екатеринбург). Однако в Центральном и Волго-Вятском районах русская молодежь толерантностью не отличалась [22].

Идентичности и межэтнические установки русских в республиках

Теперь попытаемся выяснить, отличались ли идентичности и межэтнические установки русских, живущих в республиках.

Естественно, в каждой из республик своя социально-экономическая и геополитическая ситуация. На социально-психологическое самочувствие, установки и идентичность русских так же, как и национальностей, дающих название республикам, влияет целая группа факторов. Среди них социальный статус взаимодействующих национальностей - их социальный состав, социальное продвижение, образование, доступ к собственности, престиж, участие во власти. Время от времени актуализировалось историческое прошлое - добровольное присоединение или завоевание и т.п. Имеет значение культурное, антропологическое сходство, а порой и психологи-

ческая совместимость, которая в известной мере проявлялась в межэтнических браках. Сама актуализация этничности или ее "забвение" во многом дело ума и действий интеллектуалов, элиты, власти - "этнических антрепренеров", как говорят наши зарубежные коллеги и обозначает В. А. Тишков; "этнократии", как пишет Ж. Т. Тощенко, - действующих, по их заявлениям, во имя этнических интересов народа, а на деле нередко лишь во имя собственных.

Понятно, что вышеперечисленные факторы по-разному актуализируются в конкретных регионах и значимость каждого из них в реальных ситуациях меняется. Было ли сходство в реакциях русских, переживавших новую архитектуру отношений в уплотненной и социально-политически изменившейся этноконтактной среде?

Часто межэтническое общение русскими может ощущаться, допустим, в Москве не меньше, чем в Норильске, где они тоже составляют большинство. Но в Норильске русские чаще работают вместе или живут рядом в коллективах со значительной долей саха (самоназвание якутов), а в Москве они, как правило, встречаются с единичным представителем армян, азербайджанцев, евреев и других национальностей в трудовых коллективах. Для Саха (Якутии), как для ряда других республик, характерно "сегментное" взаимодействие этносов - русские в большинстве заняты преимущественно в сфере добывающей промышленности и промышленном производстве и меньше представлены в управлении, в гуманитарной науке, сфере обслуживания. Действуя и в этнически смешанной, и в более однородной среде в республиках, везде русские ощущают, что живут они в условиях, где во властных региональных структурах доминируют представители титульной национальности. Важно и другое: титульные национальности, даже находящиеся в демографическом отношении не в большинстве (например, в Якутии, Бурятии), психологически не чувствуют себя меньшинством в социально-политическом смысле. И русские, как показывают наши исследования, это понимают. Такие осмысления имели значения для русских и в республиках с, условно говоря, паритетной структурой занятости, например, в Татарстане, где в сферах производства, науки, искусства, здравоохранения, русские представлены теперь практически одинаково [17; 23].

Неслучайно у русских, проживающих в подобных условиях, и в начале 1990-х и в начале 2000-х гг. наблюдалось чувство тревожности. Отвечая на вопрос о факторах, "дающих уверенность в жизни", русские в Саха (Якутии) и Туве указывали - "ничто не дает". В Татарстане они больше рассчитывали на свою "способность заработать профессию"; чаще, чем татары, они отмечали "положение на работе ухудшилось", "терпеть наше бедственное положение уже невозможно". В 1997 - 1999 гг. "уверенность в завтрашнем дне" имели не более 1/3 русских в указанных республиках, в то время как среди татар, якутов - 2/3. В ответах на вопрос "Что дает чувство уверенности в завтрашнем дне?" выбор позиции "мой собственный оптимизм" у русских встречался реже, чем у представителей титульных национальностей. Анализ экономической мотивации респондентов, их установок на значимость денег, власть, престиж показал, что городские русские не отставали от татар и якутов в понимании новых ориентации в экономике. Но они имели более низкую социальную самооценку, менее сформированные рыночные ценностно-трудовые и достигательные установки [24].

Положение стало меняться к середине первого десятилетия XXI в. Сопоставимые исследования в 2007 г. в Саха (Якутии) и в 2006 г. в Бурятии показывали, что ориентации на рыночные отношения у русских стали сходным с представителями титульной национальности, депрессивное состояние преодолевалось. Уже около половины русских как в республиках, так и в "русских областях" относили себя к тем, кто в современных условиях добился успеха.

В связи с изменением общей ситуации в стране, формированием государственно-гражданской идентичности можно было ожидать у русских снижения значимости этнической идентичности в 2000-е г. Но она не только не снизилась, а выросла.

Так, доля русских в Саха (Якутии) с ощущением, что они часто чувствуют связь со своей этнической группой, увеличилась с 37% в 1994 г., до 57% в 2007 г. В Москве, Екатеринбурге, Томске, Воронеже, Саратове, Приморье русские по этничности идентифицировали себя реже, чем в республиках (соответственно 56,5% и 66,5%), и данный вид идентичности был у них несколько ниже по значимости.

Ущемление прав и возможностей в республиках из-за национальной (этнической) принадлежности русские испытывали, хотя и не в одинаковой мере. Так, в Татарстане в 1994 г. 77% из них ответили "нет, не испытывали", в 2002 г. - 88%; в Саха (Якутии) отвечали так же: в 1994 г. - 68%, в 2002 г. - 82%, в 2007 г. - 80%. По России в целом, по данным Левада-Центра, в 2006 г. 33% респондентов отмечали, что русские ощущают различные ущемления и обиды [12, с. 157]. Это вызывало у части русского населения стремление к замкнутости. В 1997 г. 14%, а в 2002 г. - 23% русских Татарстана поддержали позицию "*Россия для русских*"; в Саха (Якутии) соответственно: 22% и 29%. В Москве 43% респондентов поднимали вопрос о преимуществе русских при поступлении в вузы и 70% - о приеме на работу [25]. Всероссийский опрос в 2008 г. (Левада-Центр) показал: лозунг "*Россия для русских*" поддерживали 46 - 54% респондентов [20, с. 141]. Если сопоставить эти данные, то можно заключить, что русские в республиках, находясь в более сложных условиях, оставались менее ориентированными на какие-то преимущества и замкнутость. Речь, конечно, не идет о русских в Северо-Кавказских республиках, где в силу известных событий уровень толерантности и агрессии заметно отличался. Но в средней России, Сибири русские, живущие среди других народов, повседневно на своем опыте понимают значимость толерантных отношений. Примечательно, что готовность к этнической мобилизации с жесткими средствами у русских в республиках была значительно реже, чем в некоторых, условно говоря, "русских" средах. Так, в Татарстане подобную готовность высказывали в 1994 г. 9% русских, в конце 90-х гг. - 22% (приблизившись к таким показателям у татар). В Саха (Якутии) такая готовность русского населения в тот же период выросла с 8% до 27%, практически сравнявшись с готовностью у якутов; такой она оставалась и в 2007 г. В Москве - готовность к жесткой мобилизации проявляли 35% респондентов.

Вместе с тем, по результатам исследований в республиках, положительные установки на деловые контакты у русских в 1990-е и 2000-е гг. колебались в пределах 70 - 80% опрошенных и в 2000-х гг. они несколько усилились [25, с. 88 - 89]. Полученные нами сведения почти не отличались от данных Левада-Центра по стране в целом (70 - 72%). А в районах с доминирующим русским населением установки на повседневное деловое общение были в тенденции чуть заметнее. В Москве 84% респондентов готовы были принять людей другой национальности как коллег по работе; в Саратове, Екатеринбурге, Томске - близкие показатели [25, с. 212]. Очевидно, русские в своей этнической среде реже могли проводить сопоставления, чувствовать конкуренцию. Их установки реже, чем у этнофоров в республиках, проходили испытание на толерантность.

Отметим, что в республиках *солидаристические* установки у русских в известной мере были как бы "оборонительными", ответными. Например, в Татарстане они усилились и сближались с такими же установками татар, у которых они не уменьшались, а в Саха (Якутии) несколько уменьшились к середине первого десятилетия 2000-х гг., ибо и у якутов они стали заметно меньше.

С чем связаны невысокие солидаристические этнические установки русских в сравнении с титульными национальностями? Нередко объяснение этому явлению усматривают в более высокой значимости для русских общегосударственных интересов, что, очевидно, имеет основания. Но необходимо учитывать следующее обстоятельство. По данным ВЦИОМ, в 1989 г. в ответах на вопрос, "что связывается в первую очередь у Вас с мыслью о вашем народе", ответ "государство, в котором я живу", шел на втором месте из 14 предложенных вариантов. Однако к концу 1999 г. значение государства для этнической идентичности заметно снизилось

[6, с 144]. И в республиках, в частности в Саха (Якутии), "единое государство" на первые места в рейтинге объединяющих факторов по этносоциальному признаку тоже не выходило, уступая таким "интеграторам", как "язык", "родная земля", "культура". А вот как консолидирующий фактор *гражданской идентичности* у русских "единое государство" действительно занимало ведущее место, и на вопрос, "что объединяет Вас с другими гражданами России", они чаще всего (33%) называли именно государство.

Постепенно и в республиках, и в "русских" регионах *для русских гражданская идентичность стала иметь большее значение, чем этническая*. Так, с гражданами России в Саха (Якутии) в 2007 г. идентифицировали себя 97,4% респондентов-русских, а с людьми своей национальности - 88%. Ощущали близость с гражданами России "в значительной степени" 82,6%; близость в той же степени по этническому признаку чувствовали 57,3%. Живя в республиках, русские чувствовали себя, например, якутянами, татарстанцами и т.д., но общероссийская идентичность совершенно очевидно росла и стала превалировать.

Подводя итоги, отметим: этническая идентичность у русских оказалась устойчивой, она не потеряла значения даже в условиях активной критики прошлого и перенесения ответственности за дела советского режима на русских. Она росла и в 1990-е г. даже превзошла уровень государственно-гражданской идентичности, которая переживала кризис. Восстановление последней произошло у русских исторически достаточно быстро - к концу 1990-х гг. В 2000-е гг. стало меняться соотношение общероссийской (гражданской) и этнической идентичностей. Опросы по проекту "Будущее России..." показали: *во второй половине первого десятилетия 2000-х гг.* в районах с доминирующим русским населением этническая идентичность уже не превалировала. Как правило, у русских она *совмещалась с государственно-гражданской идентичностью, но не заменялась ею*. И в республиках наблюдалась та же тенденция.

Отличие в идентичностях у русских в республиках было в том, что этническая идентичность у них была более *акцентированной* (ответы "никогда не забываю, что я русский", встречались чаще). Но ориентация на этническую солидарность (выбор ответа "человеку важно чувствовать себя частью своей национальности") у русских уступала аналогичной у титульных национальностей. Как видно из результатов анализа, у русских в республиках она коррелировала с ростом этнической солидарности титульных национальностей, что имело особые стимуляторы. Имеется в виду, прежде всего, активность этнических элит ряда республик, которые сумели, можно сказать, вовремя, дистанцироваться от радикальных групп и остаться достаточно авторитетными в глазах масс. (Об этом, во всяком случае, свидетельствует опыт Татарстана, Саха (Якутии)). В этом было одно из отличий их от русской элиты. Последняя в глазах и русских, и представителей других национальностей олицетворялась главным образом элитой Центра. Она боялась или была неспособна взять на себя очищенные от шовинизма и этницизма идеи нациестроительства. А когда начинала использовать их, то они были очень похожи на великодержавные. Без ясных идеологических ориентиров гражданской направленности этническое и гражданское самосознание русских оставалось противоречивым, вариативным по регионам с разным этнокультурным составом населения и уровнем конфликтности.

Этническая идентичность русских в результате особенностей исторического развития, в том числе советского периода, мало связана, как показали материалы исследований, с культурными маркерами и больше базируется на государственности, зависит от политического контекста, доверия к власти. При идеологической нечеткости отношения к прошлому и проектов на будущее, в том числе в сфере этнонациональной политики, массовое сознание русских может еще долго оставаться не консолидированным на позитивных ценностях, а чаще опираться на оборонительные, защитные настроения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские. Этносоциологические очерки. Гл. VI / Отв. ред. *Ю. В. Арутюнян*. М., 1992; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. / Отв. ред. *Л. М. Дробижева*. М., 1994; *Гудков Л.* Негативная идентичность. Статьи 1997 - 2002. М., 2004; *Данилова Е. Н.* Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2004 / Отв. ред. *Л. М. Дробижева*, М., 2005; Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. *М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова*. М., 2005; Национально-гражданская идентичность и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций / Отв. ред. *Л. М. Дробижева, Е. И. Головаха*. Киев, 2007; Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. *В. С. Магун*. М., 2006; Российская идентичность в социологическом измерении / Отв. ред. *М. К. Горшков*. М., 2008; *Дробижева Л. М.* Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 7. / Отв. ред. *М. К. Горшков*. М., 2008; *Арутюнян Ю. В.* Об этнических компонентах российской идентичности // Социол. исслед. 2009. N 5.
2. Руководитель проектов *Л. М. Дробижева*; участники проектов, разрабатывавшие проблемы идентичности, *Рыжова С. В., Солдатова Г. Г.* Объем выборочной совокупности по республикам составлял 1002 - 1260 чел. Выборка рассчитана *М. С. Косолаповым*. Величина погрешности не превышала 5%.
3. Руководитель *Л. М. Дробижева*. Объем выборочной совокупности в Москве 1126 чел., Саха (Якутии) 1128 чел.
4. Объем выборочной совокупности по территориям 600 - 732 чел. Ресурсная группа Института социологии РАН - *Дробижева Л. М., Черныш М. Ф., Чирикова А. Е.*
5. Так, в исследовании "Будущее России ..." анализировались ответы на вопрос, ощущает ли респондент близость с перечисленными общностями "в значительной степени" - "небольшой степени" - "не ощущает близости", что позволило в известной мере нивелировать ситуационный фактор.
6. *Гудков Л. Д.* Негативная идентичность М., 2004. С. 142.
7. *Данилова Е. Н.* Через призму социальных идентификаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник 2004. М., 2004. С. 240 - 241.
8. *Дробижева Л. М.* Социальные проблемы межнациональных отношений. М. 2003. С. 341 - 344.
9. *Гудков Л. Д.* Русское национальное сознание: потенциал и типы консолидации // Куда идет Россия? М., 1994. С. 176.
10. Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995. С. 273, 281.
11. Российская идентичность в центре и регионах. М., 2009. С. 237 - 242. Выборка для Саха (Якутии) в 2007 г. составляла 1520 человек.
12. Общественное мнение 2006. М., 2006. С. 17 - 20.
13. Подсчитано с помощью поисковой функции в программе Microsoft Word (Ctrl+F).
14. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерактивную социологию. Пер. с нем. *Головина Н. Л. и Козловского В. В.* СПб: Изд-во "Алетейя", 2000. С. 26 - 27.
15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис, М. 1996; *его же* Детство и общество. СПб., 1996.
16. Общественное мнение 2006. М., 2006. С. 161; Общественное мнение 2008. М., 2008. С. 124.
17. Социальное неравенство этнических групп / Отв. ред. *Л. М. Дробижева*. М., 2002. С. 61 - 191; Общественное мнение 2005. М., 2005. С. 131 - 135.
18. *Pettigrew T.F., Meertins R.W.* Subtle and Blatant Prejudice in Western Europe // *European Journal of Social Psychology*. 1995. Vol. 25. P. 57 - 75.
19. Проект ESS-Россия. Опрос в 150 населенных пунктах во всех округах РФ, 2400 единиц наблюдения. - <http://www.European-socialsurvey.org>.
20. Общественное мнение 2008. М., 2008. С. 135, 140.
21. *Гудков Л., Дубинин Б.* Своеобразие русского национализма // Pro et contra N 2 (29), 2005.
22. Исследование поддержано Ино-Центром. Ресурсная группа Института социологии - *Дробижева Л. М., Черныш М. Ф., Чирикова А. Е.*
23. Современные этносоциологические исследования в республике Татарстан. Казань, 2008.
24. Социальное неравенство этнических групп / Отв. ред. *Дробижева Л. М. М.*, 2002. С. 241. Анализ выполнен *Рыжовой С. В.*
25. Российская идентичность в Москве и регионах / Отв. ред. *Л. М. Дробижева*. М.: ИС РАН, 2009. С. 213.
26. Общественное мнение 2008. М., 2008. С. 141.